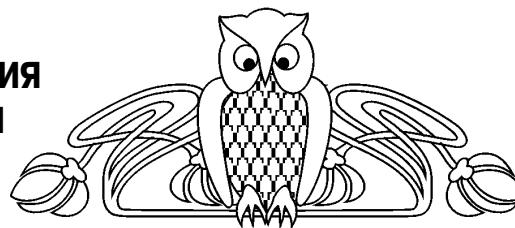

УДК 81'367.622'366.533'37

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫХ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Е. В. Шемяева

Белгородский государственный университет
E-mail: eshemaeva@yandex.ru

Статья посвящена исследованию когнитивной сущности лексикализации форм множественного числа имени существительного. Автор анализирует роль метонимии в формировании самостоятельных лексических значений и предлагает классификацию метонимических моделей лексикализации.

Ключевые слова: концептуальная деривация, лексикализация, когнитивная метонимическая модель, множественное число имени существительного.

Conceptual Derivation as a Cognitive Basis of Forming the Semantics of Lexicalized Forms of Plural Forms of Nouns

E. V. Shemaeva

The article deals with the study of cognitive nature of lexicalization of plural forms of nouns. The author analyzes the role of metonymy in formation of new meanings and suggests the classification of metonymical models of lexicalization.

Key words: conceptual derivation, lexicalization, cognitive metonymical model, plural forms of nouns.

Современные исследования в области когнитивной лингвистики позволили установить, что семантика языковых единиц определяется процессами на концептуальном уровне и формируется за счёт различных когнитивных операций. Например, в основе полисемии лежат концептуальные операции, проводимые над знаниями и заключающиеся в передаче информации из одной концептуальной области в другую¹. Синонимия обусловлена тем, что в результате определённых когнитивных операций происходит акцентирование тех или иных концептуальных характеристик, выраженных разными, но близкими по значению словами². Интересным в этом смысле представляется исследование процесса формирования семантики лексикализованных форм множественного числа имени существительного, который ранее рассматривался только в ракурсе языковых механизмов.

Как известно, формы множественного числа имени существительного могут получать самостоятельное лексическое значение, отличное от значения простого множества подобных предметов. Такой процесс семантического обособления форм множественного числа получил название «лексика-

лизация». В рамках структурно-функционального подхода лексикализация форм множественного числа имени существительного объяснялась с точки зрения внутриязыковых механизмов (работы А. А. Потебни, А. А. Шахматова, Д. И. Арбатского и др.). В качестве исходного при этом принималось положение о том, что слово представляет собой единство лексических и грамматических значений. Поэтому при изучении условий обособления форм слова учитывались как лексические, так и грамматические особенности. Так, в работе Д. И. Арбатского «Формы множественного числа имён существительных в современном русском литературном языке», которая считается пионерской в ряду исследований проблем лексикализации, автор выделяет следующие значения форм множественного числа: совокупности предметов и явлений (*красоты; бронзы «изделия»; радости; деды «предки»; Ларины «семья»; итыки (обозначение людей по оружию: Мобилизовать двести итыков); круги; итаны; деньги* и т. д.); вещества и материалы (*масла «сорта масла»; ароматы «вещество, обозначенное по запаху»; осадки, капли* и т. д.); сложные предметы (в том числе части тела и органы: *ноги, внутренности*); одежда (*рукавицы, одежды*); орудия, инструменты (*возжжи*); средства передвижения (*нарты*); сооружения (*леса, двери*); помещения (*комнаты, казармы*); тексты (*лекции*); знания, мысли (*основы, замыслы*); сложные действия (*приготовления; порядки; толки; снежки; разговоры* и т. д.); место, пространство (*овсы; воды; широты; горы; зады; пространства* и т. д.); состояния (*боли; взаимоотношения; лады; (идти в) солдаты; холода*); отрезки времени (*годы; до петухов* и т. д.)³.

В труде Д. И. Арбатского, в отличие от более ранних работ, в которых исследователи пытались подвести все частные значения числа под «общий знаменатель», показано, что значение формы множественного числа не всегда сводимо к сумме лексического значения и семантического компонента «несколько», что свидетельствует о возможности высокой степени лексикализации числовых противопоставлений⁴.

В качестве языковых механизмов, обеспечивающих лексикализацию форм множественного числа имени существительного, рассматривалась их семантическая и грамматическая изоляция. В результате семантической изоляции между формами единственного и множественного числа

существительного утрачивается смысловая связь, и они становятся разными, отдельными словами: *средство/средства* (например, от простуды) и *-/средства* (деньги). Семантическое обособление в таких случаях всегда сопровождается грамматическим. Грамматическая изоляция форм множественного числа в самостоятельные лексемы выражается в наличии полной, устойчивой лексикализации. Например, форма множественного числа *-/леса* (временное сооружение для строительных или ремонтных работ) полностью утратила грамматическое значение числа, что, как считает Л. А. Новиков, свидетельствует о её устойчивой лексикализации⁵.

Однако исследования семантико-грамматического характера не позволяют полностью вскрыть сущностные процессы, обеспечивающие приобретение формами множественного числа существительных самостоятельного лексического значения. На наш взгляд, в настоящее время существуют необходимые предпосылки для того, чтобы рассмотреть данную проблему с позиций когнитивно-ориентированного подхода и выявить не только языковые, но и когнитивные механизмы лексикализации форм множественного числа имени существительного.

В когнитивной лингвистике принято считать, что концепт определяет семантику языковых единиц, поэтому любые изменения структуры значения подразумевают изменения прежде всего в концептуальной структуре, лежащей в его основе. Следовательно, для того, чтобы выявить глубинные процессы, обеспечивающие лексикализацию форм множественного числа имени существительного, необходимо обратиться к исследованию на концептуальном уровне. Анализ фактического материала позволяет предположить, что на концептуальном уровне лексикализация форм множественного числа имени существительного обеспечивается благодаря действию концептуальной деривации.

В широком понимании концептуальная деривация, по мнению Н. Н. Болдырева, предстаёт как «языковая модель изменения определённого концептуального содержания с целью формирования нового смысла»⁶. Данный процесс основан на использовании и интерпретации уже вербализованного знания за счёт его сужения, расширения, развития, переструктурирования, генерализации или, напротив, конкретизации. Формирование нового смысла происходит при помощи тех или иных языковых механизмов, при этом связи между новым и исходным концептами могут носить разный характер, подчиняются разным когнитивным схемам и моделям: «часть – целое», «нейтрализация, усиление или ослабление определённой характеристики», «градация степени проявления признака», «изменение перспективы репрезентации концепта»⁷.

Л. В. Бабина рассматривает концептуальную деривацию как «когнитивный процесс, обеспечивающий появление новой структуры знания в

концептуальной системе человека на основе уже существующих концептов и концептуальных структур»⁸. При этом предполагается, что после того, как концепты, образующие концептуальную систему человека, уже были поименованы, в языке возникли предпосылки для их дальнейшего объединения в новые концептуальные структуры, в результате чего происходит фиксация самостоятельных лексических значений. Эти концептуальные структуры также становятся частью концептуальной системы человека, создавая тем самым основу для её дальнейшего развития⁹.

Взяв за основу определение концептуальной деривации, данное Н. Н. Болдыревым, считаем возможным рассматривать лексикализацию форм множественного числа имени существительного как один из видов концептуальной деривации, осуществляемый благодаря действию определённых когнитивных механизмов.

Анализ словарных дефиниций лексикализованных форм множественного числа имён существительных и их сопоставление со словарными дефинициями форм единственного числа позволяет предположить, что в качестве основного когнитивного механизма, обеспечивающего лексикализацию, выступает метонимия. В результате взаимодействия концепта, лежащего в основе значения исходной формы единственного числа, и концепта «множественность» появляется новая концептуальная структура, лежащая в основе самостоятельного лексического значения языковой единицы, отличного от значения простого множества подобных предметов. Такой когнитивный процесс взаимодействия концептов основан на метонимическом сдвиге в содержании исходной концептуальной структуры.

Объективным основанием для действия метонимии, как отмечает Е. С. Кубрякова, становится известная неопределённость мира, в котором нет жёстких границ между целым и его частью, между объектом и его признаком¹⁰.

В теории фигуро-фоновых отношений метонимический сдвиг объясняется такими особенностями когниции, как избирательность восприятия и распределение внимания. Ведущей и исходной при этом считается операция профилирования – выделения активной зоны концептуальной области¹¹. В результате профилирования акцентируются доминантные признаки оцениваемого предмета мысли. Профилированность, или акцентный статус признаков, является одним из центральных понятий когнитивной семантики, а изменение акцентного статуса рассматривается как универсальное средство порождения многозначности¹².

По мнению Дж. Лакоффа, метонимия существует в концептуальной системе человека в виде идеализированной когнитивной модели или концептуальной структуры, между отдельными элементами которой есть отношение замещения¹³. «Нет ничего более обычного для людей, – пишет учёный, – чем взять какой-либо один ясно понимаемый или легко

воспринимаемый аспект чего-либо и использовать его для обозначения вещи в целом или какого-либо другого её аспекта или части»¹⁴.

Дж. Лакофф выделяет следующие характеристики метонимических моделей. Во-первых, есть некий концепт А, который воспринимается в определённом контексте. Во-вторых, есть концепт В, который, как и концепт А, входит в одну и ту же концептуальную структуру. В-третьих, А выступает как часть В, либо тесно с ним связан в пределах этой концептуальной структуры. В-четвёртых, использование В вместо А предполагает, что В либо интуитивно понятнее, конкретнее, известнее, детальнее, либо легче передаётся¹⁵.

В более широком смысле метонимия представляет собой «модель концептуализации мира и репрезентации знаний о мире в сознании человека»¹⁶. При этом отмечается, что во многих случаях данная модель носит не зеркальный, а интерпретирующий характер. Метонимическая когнитивная модель основана на опыте, то есть на знании существующего порядка вещей, следовательно, представляет собой модель перестройки концептуальной структуры, отражающей конвенциональное осмысление определённого фрагмента мира.

Г. П. Кузикович считает возможным интерпретировать метонимию в данном контексте как «амбивалентное явление – как процесс и как результат этого процесса»¹⁷. В первом случае речь идёт о смещении фокуса внимания (динамический аспект), а во втором – о способности какой-либо части концептуального содержания служить средством репрезентации всего концепта (статический аспект). При этом динамический аспект не сводится к простой механической операции замещения целого его отдельной частью или буквальному отражению существующих отношений и зависимостей. Он предполагает ряд ментальных действий, сопровождающихся высвечиванием одних признаков и затухиванием других.

Метонимия обычно осуществляется по таким моделям, как «часть – целое», «причина – событие», «следствие – событие», «способ – событие», «сопутствующее событие – событие», «оценка качества – событие», «действие – результат» и т. д.

Предварительный анализ фактического материала показывает, что лексикализация форм множественного числа имени существительного осуществляется на базе когнитивных метонимических моделей различных типов. Наиболее продуктивными являются следующие модели: «часть – целое», «материал – изделие из этого материала», «способ – событие», «следствие – причина», «действие – результат», «атрибут действия – действие», «свойство – предмет», «результат – действие».

Когнитивная метонимическая модель «материал – изделие из этого материала» может быть проиллюстрирована многими примерами как в русском, так и в английском языках: *flannel – flannels, nylon – nylons, corduroy – corduroys, leather – leathers, silk – silks, бобёр – бобры, мех – меха,*

лосина – лосины и др. Рассмотрим подробнее процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных на примере когнитивной метонимической модели «материал – изделие из этого материала».

*On Saturdays and Sundays she grew more sanguine, but the mood was dispersed on Monday morning with the prospect of enduring that place for another week right through till Friday when all the managers wore tweeds*¹⁸.

Существительное *tweed* имеет следующее значение: *woolen cloth with a rough surface, often woven with mixed colours*¹⁹. Данное словарное толкование позволяет говорить о наличии таких концептуальных характеристик, как: «ткань», «качества – шерстяная, грубая, сотканная из разноцветных ниток». Словарное толкование лексикализованной формы множественного числа *tweeds – clothes made of tweed*²⁰ – говорит о наличии характеристик «одежда», «качества». Сопоставление указанных характеристик свидетельствует о формировании нового смысла «*clothes made of tweed*». Новый концепт, определяющий семантику лексикализованной формы множественного числа *tweeds*, формируется за счёт действия когнитивного механизма концептуальной метонимии: активизируется концептуальная характеристика «одежда» (концептуальная характеристика «ткань» исходного концепта замещается концептуальной характеристикой «одежда»), а концептуальная характеристика «качества» наследуется.

Учёт контекстуальной информации подтверждает, что формирование лексикализованного значения формы множественного числа *tweeds* осуществляется за счёт действия когнитивного механизма концептуальной метонимии. Информация, передаваемая словосочетанием *the managers wore* (*wore pt of wear – to have something on one's body, especially as clothing, as an ornament, etc.*), указывает не на название материала, а на одежду, изготовленную из него.

Лексикализованные формы множественного числа существительных, образованные по метонимической модели «материал – изделие из этого материала», встречаются и в русском языке, например:

*Тётя Броня говорила: «Когда у тебя в шкафу одни вечерние шелка, всё отдашь за фланелевый халатик»*²¹.

Исходная форма единственного числа *шёлк* имеет следующее значение: нити, изготавливаемые из выделенной гусеницы-шелкопряда; ткань из таких нитей, а также из искусственного, синтетического волокна²². Это толкование свидетельствует о наличии таких концептуальных характеристик, как: «ткань», «качества – натуральная или искусственная». Данные характеристики определяют содержание концепта, лежащего в основе значения формы единственного числа *шёлк*. Словарная дефиниция формы множественного числа *шелка* – одежда из

шёлка²³. Данное толкование подтверждает наличие концептуальных характеристик «одежда», «качества». Таким образом, происходит формирование нового смысла «одежда из шёлка». При этом новый концепт, лежащий в основе значения лексикализованной формы множественного числа *шелка*, образуется при помощи когнитивного механизма концептуальной метонимии: активизируется концептуальная характеристика «одежда» (концептуальная характеристика «ткань» исходного концепта замещается концептуальной характеристикой «одежда»), а концептуальная характеристика «качества» наследуется.

Анализ контекста позволяет заключить, что в данном примере форма множественного числа *шелка* обозначает не просто большое количество шёлка – информация, передаваемая определением *вечерние* (вечерняя – выходная, нарядная), указывает не на название материала, а на одежду, изготовленную из него. Следовательно, связь между исходным концептом, определяющим значение формы единственного числа *шёлк*, и новым концептом, формирующим семантику лексикализованной формы множественного числа *шелка*, подчиняется когнитивной метонимической модели «материал – изделие из этого материала».

Следует отметить, что формы множественного числа *tweeds* и *шелка* не всегда используются в лексикализованном значении, они могут также употребляться для обозначения простого множества подобных предметов, например:

*Tweeds so bright they look as if spun from neon sugar are cut into carefree little suits, and matched with bold, extravagantly coloured prints*²⁴.

*Французские красильни попробовали применить «анилиновый пурпурный», изменив его название на «мовейн» (по названию цветка мальвы – mauve). Шелка «цвета мальвы» имели громкий успех. Из Франции мода быстро перекинулась в соседние страны, в том числе и в Англию*²⁵.

Таким образом, формирование семантики лексикализованных форм множественного числа *tweeds* и *шелка* происходит не только за счёт действия когнитивного механизма концептуальной метонимии, но и под влиянием контекстуального фактора в рамках предложения-высказывания.

Итак, изучение лексикализации форм множественного числа имени существительного с позиций когнитивного подхода позволяет заключить, что основным когнитивным процессом, обеспечивающим лексикализацию на концептуальном уровне, является концептуальная деривация, которая осуществляется по когнитивным метонимическим моделям различных типов.

Примечания

¹ См.: Медведева А. Когнитивные механизмы развития полисемии прилагательных // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации : сб. науч. тр. М. ; Тамбов, 2008. С. 245–254.

- ² См.: Горбунова Л. Синонимия производных значений локативных прилагательных и концептуализирующая роль языка // Вопр. когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 34–38.
- ³ Подробнее см.: Арбатский Д. Значения форм множественного числа имён существительных в современном русском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
- ⁴ Подробнее анализ см.: Ляшевская О. Семантика русского числа. М., 2004.
- ⁵ См.: Новиков Л. Лексикализация форм числа существительных в русском языке (к вопросу о формах слова) // Филологические науки. 1963. № 1. С. 77–89.
- ⁶ Болдырев Н. Оценочная метареферентация : проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке : сб. науч. тр. М. ; Тамбов, 2009. С. 48.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Бабина Л. Проблема концептуальной деривации // Вопр. когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 86.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: Кубрякова Е. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 89.
- ¹¹ См.: Talmy L. Lexicalization Patterns : Semantic Structure in Lexical Forms // Language Typology and Syntactic Description. Cambridge, 1985. P. 17.
- ¹² См.: Langacker R. Concept, Image and Symbol : The Cognitive Basis of Grammar. N.Y., 1991. P. 189–200.
- ¹³ См.: Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things : What Categories Reveal about the Mind. Chicago, 1987. P. 78.
- ¹⁴ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М., 2004. С. 111.
- ¹⁵ См.: Lakoff G. Op. cit. P. 85.
- ¹⁶ Козлова Е. Метонимия как модель взаимодействия фреймов // Типы знаний и их репрезентация в языке : сб. науч. тр. Тамбов, 2007. С. 66.
- ¹⁷ Кузикович Г. Когнитивная природа метонимии и её роль в семантическом варьировании абстрактных имён // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации. С. 257.
- ¹⁸ The British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 10.02.2012).
- ¹⁹ Hornby A. Oxford Advanced Learners' Dictionary of Current English. Oxford, 1995. P. 1287.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 15.01.2012).
- ²² См.: Ожегов С., Шведова Н. Словарь русского языка. М., 1986. С. 775.
- ²³ Там же.
- ²⁴ The British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 11.02.2012).
- ²⁵ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 10.01.2012).